

5. Избранные очерки: Сб. переводов / Р. Э. Парк. – М. : ИНИОН РАН, 2011. – С. 19–20.
6. Историческая урбанистика: теория и практика: учеб. пособие для вузов / Л. А. Штомпель [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Поповой, М. А. Пономаревой. – Ростов-на-Дону : Изд-во Южн. фед. ун-та, 2014. – С.145–172.
7. Набилкина, Л. Н. Культурологический образ города в отечественной и зарубежной критике / Л. Н. Набилкина // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 10. – С.290–293.
8. Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Рос. академ. наук, Науч. сов. по ист. мир. к-ры ; ред.: Э. В. Сайко (отв. ред.). – М. : Наука, 1999. – 284 с.
9. Хейдметс М. Э. Пространственный фактор в межличностных отношениях: попытка построения концепции / М. Э. Хейдметс // Человек, среда, пространство: исследования по психологическим проблемам предметно-пространственной среды / Тартуский гос. ун-т ; редкол.: П. Кенкманн [и др.]. – Тарту, 1979. – С. 4–29.
10. Хейдметс М. Э. Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности : сб. ст. / Таллин. пед. ин-т им. Э. Вильде ; под ред. Х. Миккина. – Таллин, 1988. – С. 7–15.
11. Шилехина М. С. Современные тенденции формирования культурного пространства города: проблемы и возможности / М. С. Шилехина // Культурное наследие России. – 2016. – № 4 (15). – С. 103–109.

СПЕЦИФИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО МЕХАНИЗМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Т. А. Арташкина

Дальневосточный федеральный университет,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Департамент искусств и дизайна,
ул. Суханова, 8, 690091, Владивосток, Россия
e-mail: tam.artand@gmail.com

Межкультурная коммуникация рассматривается как частный случай межкультурного взаимодействия. По мнению автора, социокультурный механизм межкультурного взаимодействия представляет собой трехкомпонентную структуру. Описываются характеристики компонент этой структуры.

Ключевые слова: форма бытия, межкультурная коммуникация, межкультурное взаимодействие, продукты культуры.

THE SOCIOCULTURAL MECHANISM OF INTERCULTURAL INTERACTION

T. A. Artashkina

Far Eastern Federal University (FEFU)
School of Arts and Humanities, Department of Arts and Design
Sukhanov St. 8, 690091, Vladivostok, Russia
e-mail: tam.artand@gmail.com

Intercultural communication is considered as a special case of intercultural interaction. In the author's opinion, the sociocultural mechanism of intercultural interaction is a three-component structure. The characteristics of the components of this structure are described.

Key words: the form of being, intercultural communication, intercultural interaction, products of culture.

Понятие культуры для нас является базовым. Разные авторы утверждают, что существуют сотни определений понятия «культура». Отдельные исследователи говорят о принципиальной невозможности определиться с понятием «культура» и ее предметом. При этом не учитывается изменение логического статуса понятия культуры. Если в 1990-е гг. логический статус этого понятия считался категорией, то в последующие годы понятие культуры стало концептом. Категория фиксирует минимум признаков предметов и явлений, охватываемых этим понятием. Уже сам факт наличия нескольких сотен определений понятия культуры говорит об отсутствии минимального содержания в этом понятии, об отсутствии родового понятия «культура» и, главное, об отсутствии логической операции абстрагирования при определении понятия. В то же время экспликация понятия культуры направлена на выявление смысла понятия, репрезентацию общего представления о понятии с помощью констатации неких свойств или качеств феномена культуры. Всеми этими характеристиками обладает концепт.

Обобщая написанное, будем считать, что культура — это форма бытия. Тогда для каждого отдельного случая анализа культурного феномена необходимо дать вполне определенную экспликацию понятия культуры, отражающую характеристики именно этого фрагмента бытия.

1. В социогуманитарной литературе указывается, что понятие межкультурной коммуникации было введено в 1954 г. американцами Э. Холлом и Д. Трагером, которые рассматривали межкультурную

коммуникацию в качестве особой области человеческих отношений. Позднее Э. Холл пояснил, что в процессе межкультурной коммуникации происходит некий обмен определенным опытом между выходцами из разных культур. Аналогичную позицию занимают россияне Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров [1], С. Г. Тер-Минасова [2] и мн. др. Это направление экспликации и исследования межкультурной коммуникации назовем классическим. Находясь в рамках данного направления, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров предлагают следующее определение межкультурной коммуникации, на которое ссылаются и другие авторы: «Этим термином называется адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [1, с. 26]. С. Г. Тер-Минасова следующим образом поясняет это положение: «В основе любой коммуникации, то есть в основе речевого общения как такового, лежит "обоюдный код" (shared code), обоюдное знание реалий, знание предмета коммуникации между участниками общения...» [2, с. 31]. Главным для нас является то, что участники коммуникации должны знать и обязательно выполнять определенные, конкретные правила поведения («правила игры») представителя другой культуры. Нарушение этого требования хотя бы одним из участников коммуникации вызывает культурный шок. Как видим, в рамках классического подхода вопрос об обмене культурными элементами и паттернами культуры как разной формы бытия членов коммуникации даже не поднимается.

2. Принципиально иной подход к исследованию межкультурной коммуникации предлагают В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе [3]; [4]. Авторы выводят коммуникативную цепь для культурной коммуникации, отталкиваясь от треугольника, предложенного английским философом Джоном Локком [3, с. 36]: смысловое поле понятия культуры опирается на треугольник, который имеет своими вершинами природу, технику и семиотику. Этот треугольник с основанием «природа — техника» и вершиной «семиотика» и назван авторами «треугольником Локка». Для определения феномена духовной культуры те же авторы обращаются к другому философу — Гегелю. По определению Гегеля, искусство «распадается на произведение, имеющее характер внешнего, обыденного наличного бытия — на субъект, его продуцирующий, и на субъект, его созерцающий и перед ним преклоняющийся» (цит. по: [3, с. 37]). Авторы подчеркивают, что здесь существенен не характер произведения, а то,

что оно названо Гегелем в его триаде первым, т. е. главным, поскольку именно через него осуществляется связь между творцом и потребителем. Рассматривая произведение искусства как знак культуры, триаду Г. Гегеля авторы представляют следующей схемой [3, с. 39]:

производящий субъект ↔ произведение ↔ восхищающийся субъект.

Авторы отмечают, что если произвести подстановку, обозначив вместо одного произведения бесконечный ряд предметов культуры, то и ряды производителей и потребителей тоже уйдут в бесконечность. И тогда получится новая схема, которая, по мнению авторов, представляет схематическое обозначение культурной коммуникации на первом ее этапе через следующую коммуникативную цепь [3, с. 39]:

производитель ↔ артефакт ↔ потребитель.

Таким образом, у данных авторов межкультурная коммуникация — это уже не правила игры, хотя при создании произведения/ артефакта эти правила, возможно, и потребуются, а обмен продуктами культуры. И, как следует из предложенных ими схем, этот обмен носит двусторонний характер.

3. Еще один известный российский культуролог — А. П. Садохин — считает, что «межкультурная коммуникация представляет собой особую форму коммуникации двух или более представителей различных культур, в ходе которой происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур» [5, с. 95]. В другой своей работе А. П. Садохин расширяет сферу применения межкультурной коммуникации: «В самом общем виде межкультурной коммуникацией называются разнообразные формы взаимодействия индивидов, групп или организаций, принадлежащих к различным культурам» [6]. Определяем ли мы межкультурную коммуникацию как форму обмена информацией либо как специфический способ культурного взаимодействия индивидов, все равно остаются не выясненными ответы на вопросы: 1) как, каким образом происходит обмен? 2) что именно подлежит обмену?

Во многих определениях и экспликациях межкультурной коммуникации категория «коммуникация» выдвигается на первое место, поскольку ее содержание может быть структурировано.

4. В российской социогуманитарной науке теория коммуникации является обязательным разделом связей с общественностью (социальная технология public relations, PR). Английский специа-

лист по связям с общественностью Ширли Харрисон утверждает, что классическая модель коммуникации разработана К. Шенноном и В. Вивером (1948), а также В. Шраммом (1953) и базируется на пяти вопросах: кто говорит, что говорит, каким образом говорит, кому говорит и с каким эффектом? [7, с. 82]. Поэтому эта модель коммуникации включает следующие компоненты: отправитель, кодирование, носитель информации, сообщение, декодирование, получатель информации, обратная связь, помехи [7, с. 83]. М. О. Гузикова и П. Ю. Фофанова утверждают, что в зарубежной науке наиболее известен перечень компонент коммуникации, предложенный американским лингвистом Деллом Хаймсом: Scene — сцена (обстановка); Participants — участники (отправитель-адресант сообщения и получатель-адресат); Effect — эффект; Action — ход действия; Key — ключ; Instruments — инструментарий; Norms — нормы; Genres — жанры [8, с. 37—38]. Е. Л. Головлева указывает, что понятие коммуникации включает в себя: средства связи любых объектов материального или духовного мира; общение, передачу информации от человека человеку; общение и обмен информацией в обществе [9, с. 7]. И, наконец, еще одна модель коммуникации, которая состоит из следующих элементов: отправитель (источник) — кодирование — сообщение — канал — декодирование — получатель — обратная связь.

Обобщая эти и другие экспликации понятия коммуникации, можно утверждать, что коммуникация — это процесс обмена информацией, пересылка сведений от точки передачи отправления (отправитель информации) к точке приема (получатель информации) без изменения последовательности или структуры содержания. Следовательно, это процесс, в котором участвуют производитель и потребитель культурного продукта, но этот продукт специфичен — это информационный продукт, порожденный культурой и созданный с помощью специальных информационных и социальных технологий и, что самое главное, с определенной целью:

производитель (отправитель информации) ↔ информационный продукт ↔ потребитель (получатель информации).

Как видим, все три схемы адекватны друг другу и описывают разные частные случаи межкультурного взаимодействия, при котором происходит обмен культурными элементами и паттернами культуры, представляющими собой фрагменты/культурные продукты разных форм бытия:

производитель культурного продукта ↔ культурный продукт
как элемент формы бытия ↔ потребитель культурного продукта.

Заметим, что акт восприятия любых культурных образцов всегда направлен от донора к реципиенту, т. е. направлен в одну сторону. Если же направление восприятия изменится на обратное, то восприниматься уже будет другой культурный образец. Поэтому в межкультурном взаимодействии возможен односторонний процесс восприятия национальной культурой чужих инокультурных образцов. При таком взаимодействии воспринимаемый реципиентом продукт может существенно модифицироваться. Роль такого обмена в условиях информатизации современного общества и глобализации культуры стремительно повышается, так как его следствием является процесс унификации национальной культуры в форме ее модернизации.

Эта, четвертая, схема обладает двумя фундаментальными свойствами:

— в процессе межкультурного взаимодействия производитель и потребитель обобщенного культурного продукта могут меняться местами;

— инициатором межкультурного взаимодействия может выступать и осуществлять взаимодействие либо только производитель, либо только потребитель обобщенного культурного продукта.

Если инициатором межкультурного взаимодействия выступает только производитель обобщенного культурного продукта, то в этом случае речь идет о культурной экспансии. Если инициатором межкультурного взаимодействия выступает только потребитель, то речь идет о культурной модернизации. Оба процесса могут осуществляться насильственными методами, в том числе — и латентными. Принципиальное отличие культурной экспансии от культурной модернизации заключается в том, что в первом случае инициатором межкультурного взаимодействия выступает внешняя по отношению к культуре-реципиенту культура, во втором случае инициатором межкультурного взаимодействия выступает непосредственно сама культура-реципиент. Цели таких межкультурных взаимодействий при определенных условиях будут диаметрально противоположными, что непременно приведет к конфликту (политическому, экономическому, социальному, культурному).

Один из редакторов книги «Culture Matters: How Values Shape Human Progress» [10] — С. Хантингтон пишет: «... в 80-е годы... наиболее заметной оказалась работа, написанная бывшим сотрудни-

ком Американского агентства международного развития Лоуренсом Харрисоном. “Отсталость как состояние ума: случай латинской Америки” — так называлась эта книга... Опираясь на богатый сравнительный материал, ее автор сумел показать, что для большинства латиноамериканских стран главным препятствием на пути прогресса становится именно культура» [10, с. 10]. Один из авторов этой же книги — Стейс Линдсей следующим образом определяет понятие прогресса: «В наших дискуссиях единогласно признавалось, что экономический прогресс исключительно важен для общего прогресса человечества. <...> Экономический прогресс обязателен, поскольку прочие формы прогресса (здравоохранение, образование, инфраструктура) зависят от производственной деятельности. <...> Без частного предпринимательства экономический прогресс невозможен, а без экономического прогресса нет прогресса социального» [11, с. 275—276].

На первый взгляд, все верно. Однако в соответствии с законами формальной логики необходима проверка правил вывода этого умозаключения. Это обязательное условие. В данном случае вторая посылка («успешно действующие частные предприятия являются двигателями экономического прогресса») является вероятной. Следовательно, велики условия эмоционального воздействия на оппонентов.

Г. Корсаков специально обращает внимание на тот факт, что американские специалисты считают, что модернизация, проводимая сегодня в ряде стран мира, требует не просто экономических преобразований и инновационных технологий. «Она якобы невозможна без изменений во внутрицивилизационном укладе, направленных на привнесение в него “западных демократических ценностей”. <...> бросая вызов культурной и цивилизационной идентичности государств-оппонентов, вестернизация ведет к эрозии бытовых и поведенческих норм, культурных и моральных ценностей, косвенно способствуя размыванию национального суверенитета этих стран» [12].

Как известно, в истории России с древнейших времен до наших дней можно выделить по крайней мере четыре исторических периода, когда российская культура переживала процессы, по своим масштабам и признакам совпадающие с модернизацией: христианизация Руси; реформы Петра I; XIX в., особенно вторая его половина; 1990-е гг. XX столетия. Во всех этих случаях модернизационные

процессы в российской культуре обладают двумя существенными общими характеристиками:

— модернизация культуры была инициирована правительством, то есть была направлением государственной политики;

— одним из результатов такой политики было разрушение уже сложившегося уклада жизни и замена культурных универсалий.

Заметим, что времена Перестройки в Советском Союзе и реформ 1990-х гг. в России — это время одновременного действия культурной экспансии Запада и культурной модернизации России, ярко продемонстрировавших не только столкновение интересов донорской культуры и культуры-реципиента, но и конфликт культурных интересов в процессе такого межкультурного взаимодействия. Открытость и коммуникабельность культур формируют общий смысловой фонд, чего не наблюдалось ни в 1990-е гг., ни позже.

Культура-восприимчив может адаптировать культурные новшества, не подрывая своих собственных основ. При этом при недостаточно развитом культурном паттерне культуры-реципиента паттерн культуры-донора встраивается в общую культурную систему реципиента и начинает интенсивное функционирование либо с последующей адаптацией, либо с передачей собственного культурного кода. *Этот культурный обмен совершается не только путем аккультурации, но и с помощью трансмиссии (прямой и обратной), что соответствует когерентным законам онтологии бытия.* И процесс аккультурации в границах конкретного культурного ареала, и механизм культурной трансмиссии, обеспечивающий культурный обмен между культурными ареалами, являются частными случаями общего социокультурного механизма социальных эстафет, позволяющего транслировать конкретную социокультурную программу.

Литература

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово / Slovo, 2000. – 261 с.
3. Зинченко, В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М. : Флинта: Наука, 2007. – 224 с.

4. Межкультурная коммуникация: учебное пособие [Электронный ресурс] / Библиотека Гумер – языкознание. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/m_komm/index.php. – Дата доступа: 20.02.2018.
5. Садохин, А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А. П. Садохин. – М.: Высшая школа, 2005. – 310 с.
6. Садохин, А. П. Межкультурная компетенция и компетентность в современной коммуникации / А. П. Садохин // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 3. – С. 156–166.
7. Харрисон, Ш. Связи с общественностью. Вводный курс: пер. с англ. / Ш. Харрисон. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2003. – 368 с.
8. Гузикова, М. О. Основы теории межкультурной коммуникации / М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. федерал. ун-та, 2015. – 124 с.
9. Головлева, Е. Л. Основы межкультурной коммуникации / Е. Л. Головлева. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 224 с.
10. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. (Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.) *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. – New York: Basic Books, 2000.) – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 320 с.
11. Линдсей, С. Культура, ментальные модели и национальное процветание / С. Линдсей // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют прогрессу* / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 272–289.
12. Корсаков, Г. Информационное оружие супердержавы: кибервойна и «управляемые кризисы» [Электронный ресурс] / Г. Корсаков // *Военно-политическое обозрение*. – 04.05.2012. – Режим доступа: <http://www.belvpo.com/ru/10497.html>. – Дата доступа: 22.02.2018.

ЖАРГОНИЗМЫ В ЛЕКСИКЕ «ПОКОЛЕНИЯ X»: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

К. С. Ващилко

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108,
Минск, Республика Беларусь
e-mail: kсениya989472@gmail.com